

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ОКОНЧЕНА. «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Э. Я. Баталов

В статье высказываются суждения о причинах холодной войны, ее природе и завершении. Автор обосновывает собственные оригинальные выводы об окончании холодной войны и перекидывает мостик к современному обострению российско-американских отношений.

Ключевые слова: холодная война, причины и характер, итоги, российско-американские отношения

The article analyzes the causes of the cold war, its nature and completion. The author substantiates his own conclusions about the end of the cold war and lay a bridge to the current aggravation of the Russian-American relations.

Key words: Cold War, the reasons and nature of the results, the Russian-American relations

О холодной войне сказано немало. Но тема остается открытой, тем более что всякий раз, когда отношения между Западом (Европой и/или США) и Россией обостряются — а они развиваются волнообразно (от улучшения к ухудшению и обратно) — мы снова и снова задаемся вопросом «не началась ли новая холодная война?». А заодно и сопутствующими вопросами о содержании этого феномена, его генезисе, последствиях и т. п.

Статья и доклад В. В. Согрина «Завершение холодной войны: победа человечества или США» совпадают с периодом очередного обострения западно-российских и, прежде всего, американско-российских отношений, когда многие обеспокоенно вопрошают, не наступает ли новый «ледниковый период» в мировой политике, и уже по этой причине представляются весьма своевременными не только в политическом, но и в теоретическом планах.

Корректный ответ на вопрос о том, *кто* победил (если победил) в холодной войне, предполагает однозначное понимание того, *чем* была эта война, что ее породило и питало, *когда* и *благодаря* чему она завершилась. На эти вопросы предлагаются разные, порой едва ли не противоположные ответы, получившие отражение в многочисленных статьях, монографиях

и других публикациях — отечественных и зарубежных. Поэтому автор этих строк считал необходимым, прежде всего, определить собственную позицию по названным вопросам.

* * *

При всех спорах о генезисе термина «холодная война»¹ в качестве едва ли не бесспорного признается тот факт, что началась она во второй половине 1940-х гг. и велась между США и СССР, на стороне каждого из которых выступали их союзники. Называют даже дату начала холодной войны: 5 марта 1946 года. Именно в этот день Уинстон Черчилль в присутствии президента США Гарри Трумена произнес в Вестминстерском колледже американского городка Фултон вызвавшую всемирный резонанс речь, в которой, не используя термин «холодная война», обвинил «Советскую Россию» в «экспансионистских устремлениях и настойчивых стараниях обратить весь мир в свою веру» и призывал «отказаться от изжившей себя... доктрины равновесия сил, или, как ее еще называют, доктрины политического равновесия между государствами» и объединить силы Запада в противодействии Советскому Союзу².

Ответ Сталина не заставил себя долго ждать. 14 марта на страницах «Правды» появилось его интервью корреспонденту этой газеты, в котором он сравнил Черчилля с Гитлером и объявил его «поджигателем войны». «По сути дела, — говорил Сталин, — г-н Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны... Несомненно, что установка г-на Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР... Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после второй мировой войны новый поход против „Восточной Европы“. Но если им это удастся, — что мало вероятно, ибо миллионы „простых людей“ стоят на страже дела мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как были биты в прошлом, 26 лет тому назад». Позиции были определены и четко обозначены. Холодная война началась.

¹ Считается, что словосочетание «холодная война» (Cold War) впервые появилось в статье известного английского писателя (кстати сказать, сотрудничавшего с британскими спецслужбами), автора романа «1984» Джорджа Оруэлла «Ты и атомная бомба», опубликованной 19 октября 1945 г. в английском еженедельнике «Трибьюн». О «холодной войне» упомянул в своей речи, произнесенной 16 апреля 1947 г. в законодательном собрании штата Южная Каролина, крупный американский финансист и советник президента Трумена Бернард Барух. И сделано это было, как считают исследователи, «с подачи» его помощника публициста Херберта Суопа. Но широкое распространение этот термин получил, по-видимому, благодаря популярному в те годы американскому публицисту и политическому аналитику Уолтеру Липпману, опубликовавшему в газете «Нью-Йорк геральд трибьюн» ряд статей, составивших вышедшую в ноябре 1947 г. книгу «Холодная война. О внешней политике США».

² Черчилль У. Мускулы мира / Пер. с англ. М., 2002.

Что же это была за война? При ответе на подобного рода вопросы особый интерес представляет справочная литература, которая обязана фиксировать в концентрированном виде сложившиеся за годы наблюдений и анализа представления о рассматриваемых явлениях и процессах. Оксфордский словарь «Политика» определяет холодную войну как «состояние военно-политической конфронтации между США и СССР после 2-й мировой войны»³. Практически такое же определение находим мы в отечественном словаре «Политология»: «состояние напряженной конфронтации между СССР и его союзниками, с одной стороны, и развитыми западными государствами, с другой, продолжавшееся с некоторыми ослаблениями в период с 1946 г. до конца 1980-х гг.»⁴. «Военный энциклопедический словарь» характеризует холодную войну как «состояние острой политической, экономической, идеологической и военной конфронтации и противоборства на мировой арене между США и их союзниками, с одной стороны, СССР и его союзниками — с другой»⁵.

Подобные определения обнаруживаем мы и во многих других справочных изданиях. И практически во всех из них ключевое слово — конфронтация, которое достаточно точно описывает внешние признаки рассматриваемого феномена. Примерно так же характеризовали холодную войну и многие крупные исследователи этого феномена, в частности Джон Гэддис, посвятивший проблематике холодной войны несколько книг⁶.

Конкретные проявления холодной войны сводились, по мнению многих аналитиков, в основном к следующему: «применение силы или угрозы силы в международных отношениях; стремление к диктату; всемерное форсирование гонки вооружений и военных приготовлений; резкий рост военных расходов; создание системы военных союзов, главные из которых — противостоявшие друг другу НАТО и Организация Варшавского Договора; провоцирование международных кризисов; создание военных баз в иностранных государствах; ведение „психологической войны“; резкое сокращение экономических связей между государствами с различными социальными-политическими системами, их контактов в области культуры, науки и техники и др.»⁷.

Понятие «холодная война» порой толкуют расширительно, а именно как любую конфронтацию двух или более государств без использования военной силы. В результате такого подхода утрачивается представление об уникальной качественной определенности того длившегося несколько де-

³ Политика: Толковый словарь / Под ред. А. Маклина / Пер. с англ. М., 2001. С. 686.

⁴ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 388.

⁵ Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 1568.

⁶ См., в частности: Gaddis J. The Cold War. A New History. N. Y., 2005.

⁷ Военный энциклопедический словарь. С. 1568.

сятилетий глобального противостояния, которым была отмечена всемирная история второй половины XX в. Это было мирное (т. е. исключющее использование военных средств и методов борьбы) тотальное (политическое, экономическое, идеологическое) противостояние двух глобальных военно-политических блоков, двух мировых полюсов силы, двух сверхдержав, каждая из которых стремилась укрепить собственные позиции в мире и ослабить позиции соперника, а по возможности устранить его в качестве такового⁸.

Называют разные причины холодной войны. В одном из авторитетных справочников говорится:

Объяснить истоки холодной войны весьма сложно, хотя имеются три объяснения. Одно из них усматривает причину холодной войны в образовавшемся после уничтожения мощи Германии «вакууме власти» в Центральной Европе и в новом биполярном балансе сил между сверхдержавами. С этой точки зрения, она являлась традиционным конфликтом между великими державами, в котором идеологическое противостояние вторично, а внутренние (структурные) напряжения двухполюсной (биполярной) системы, достигнув критического значения, не позволяли удерживать систему в равновесии. В соответствии со вторым объяснением... США <...> были вынуждены перед лицом советской экспансии в Восточной Европе вести себя более активно для сдерживания советской мощи. Третье объяснение сводится к тому, что у американского капитализма существовала долгосрочная цель — подорвать позиции коммунизма и расширить свое влияние на страны Европы, Ближнего и Дальнего Востока⁹.

Авторы добавляют, что многие выводы и оценки, касающиеся холодной войны, «исходят из двух, а иногда и из всех трех вышеуказанных объяснений»¹⁰.

По мнению автора этих строк, возникновение холодной войны было обусловлено, прежде всего и главным образом, характером мирового политического порядка, который сложился после Второй мировой войны и в основе которого лежала двухполюсная структура мировой политиче-

⁸ Не все и не всегда заявляли о таком намерении открыто. Некоторые политики, как, например, Киссинджер, не стремились к обострению отношений между противоборствующими сторонами. Другие, особенно Бжезинский, работали на обострение с целью приближения победы. Но все стремились, в конечном счете, одержать победу над противником. Любопытный факт: в конце 1950-х гг. президентом Д. Эйзенхауэром была образована специальная комиссия, которая должна была определить «национальную цель США». Выявить единую общую цель, как следовало из доклада, представленного президенту в 1960 г., не удалось. Но в числе предлагавшихся главных целей была «бесповоротная решимость выиграть холодную войну». А четырьмя годами ранее Н. С. Хрущев бросил Западу свою знаменитую фразу: «Нравится вам или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним».

⁹ Политика: Толковый словарь. С. 686.

¹⁰ Там же.

ской системы¹¹. Отсюда следует, что хотя холодной войны в том виде, какой она приобрела, можно было избежать, само противостояние (в той или иной форме) двух полюсов было неизбежно.

* * *

Высказываются разные суждения о том, когда именно закончилась холодная война и где это событие зафиксировано. Чаще всего называют три документа. Первый из них — «Парижская хартия для новой Европы», подписанная 21 ноября 1990 г. главами государств и правительств государств участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. «Эра конфронтации и раскола Европы, — констатировалось в ней, — закончилась... Мы обязуемся строить, консолидировать и укреплять демократию как единственную систему правления в наших странах... Теперь, когда над Европой занимается заря новой эры, мы исполнены решимости расширять и укреплять дружественные отношения и сотрудничество между государствами Европы, Соединенными Штатами Америки и Канадой, а также способствовать дружбе между нашими народами»¹².

Второй документ — Обращение президента Дж. Буша-ст. к Конгрессу США 28 января 1992 г., в котором он под овации присутствующих объявил о смерти коммунизма и заявил, что произошло событие, сравнимое с библейским: «С помощью Господа Америка победила в холодной войне». Три дня спустя, 1 февраля, в Кэмп-Дэвиде, Буш вместе с Б. Н. Ельциным подписал Декларацию «О принципах новых взаимоотношений». «Россия и Соединенные Штаты, — утверждалось в документе, — не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников. Их отношения характеризуются отныне дружбой и партнерством, основанными на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономи-

¹¹ В современной литературе — как научной, так и публицистической — «полюса» часто отождествляются с «центрами силы» и говорится о «многополярном» («многополюсном») мире. Автор этого текста придерживается иного подхода. Полюс — это действительно центр силы. Но не всякий центр силы — это полюс, и полюсов может быть либо два (как это имело место в годы холодной войны), либо ни одного (как в современном мире, который может быть охарактеризован как «полицентричный», но «бесполюсный»). «Полюса» — это противоположные по многим базовым параметрам и при этом более или менее симметричные и соизмеримые по интегральному жизненному потенциалу центры силы, которые одновременно предполагают и отрицают существование друг друга. Они образуют крайние точки силовой оси, «стягивающей» воедино мировую политическую систему и формирующей глобальное силовое поле, в которое оказываются «втянутыми» в той или иной мере практически все страны мира, либо группирующиеся вокруг одного из двух полюсов, либо располагающиеся между ними, но учитывающие в своей политике их существование и взаимодействие.

¹² Антология мировой политической мысли. Том V. Политические документы. М., 1997. С. 619–621.

ческой свободе»¹³. В документе прямо говорилось о стремлении «добиваться устранения всех остатков враждебности периода „холодной войны“, включая шаги по сокращению своих стратегических arsenалов»¹⁴. Отмечая, что «Соединенные Штаты и Россия открывают новую эпоху в своих отношениях», Буш-ст. и Б. Н. Ельцин обещали стремиться «помочь объединить планету благодаря нашей дружбе — новому союзу партнеров, борющихся против стоящих перед нами общих опасностей»¹⁵.

Окончание холодной войны не было и не могло быть одномоментным событием, что тоже отличало ее от «горячих» войн. Это был постепенный процесс, в качестве этапов которого чаще всего называют падение Берлинской стены, согласие М. С. Горбачева на объединение двух Германий, «бархатные революции» в социалистических странах Восточной Европы и ряд других. Строго говоря, этот процесс так и не был доведен до конца, поскольку «демилитаризация» политического сознания, сложившегося за десятилетия холодной войны, требовала длительного времени и целенаправленных усилий, которые так и не были предприняты в должной мере. И, тем не менее, в целом холодная война завершилась.

Почему это стало возможным? Благодаря чему? Наиболее популярный ответ, в общем-то, прост: потому что одна из сторон конфронтации перестала существовать в своем прежнем качестве. Так, в феврале 1992 г. Борис Ельцин, высказав мнение, что «внешняя политика России становится качественно новой», объяснил это тем, что «с победой демократии в России „холодная война“ ушла в историю»¹⁶. Ельцин, конечно, искажал реальную картину. Никакой победы демократии в феврале 1992 г. не было. Но мировая социалистическая система перестала существовать как таковая, а родившиеся на ее территории новые государства обрели (пока на словах) новую политическую и идеологическую идентичность и сменили ценностные и политические (в том числе внешнеполитические) ориентации. Воевать Америке и ее союзникам стало не с кем. Так, по крайней мере, казалось в начале 1990-х гг.

О победе Запада в холодной войне заявлял не только Буш. Большинство американцев и европейцев думали так же¹⁷. Одним из первых, кто предложил свой анализ этого события, был Збигнев Бжезинский. Его взглядам мы уделим особое внимание, ибо он представлял собой редкое

¹³ Дипломатический вестник. 1992. № 4–5. 29 февраля – 15 марта. Спецвыпуск. С. 12.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Независимая газета. 28 февраля 1992 г. С. 1.

¹⁷ Американцы даже носились с идеей учреждения медали за победу в холодной войне, которой предполагалось наградить многие тысячи людей. Но осуществили эту идею, насколько известно, наполовину: медали были отчеканены, однако официальных награждений не проводилось, а желающие могли выкупить медаль.

сочетание одного из «прорабов» холодной войны и одного из ее влиятельных аналитиков, который на протяжении многих лет ярче других, жестче других, но зачастую и откровеннее, а то и циничнее других писал о холодной войне и рассматривал ее последствия под углом геополитики. В 1992 г. в осеннем выпуске журнала «Foreign Affairs» он публикует статью «Холодная война и ее последствия»¹⁸, в которой пишет следующее: «Холодная война окончилась победой одной стороны и поражением другой. Эту реальность нельзя отрицать, несмотря на то, что такой взгляд, понятно, затронет чувства мягкосердечных лиц на Западе и некоторых бывших руководителей побежденной стороны»¹⁹.

Но существует и иная точка зрения, согласно которой в холодной войне не было и не могло быть победителей. Победу несла с собой не война как таковая, а ее завершение, которое означало прекращение глобальной конфронтации вовлеченных в нее сторон, ограничение гонки вооружений, ослабление международной напряженности т. п. Это отодвигало и уменьшало угрозу ядерной войны и создавало более благоприятные условия для развития политических, экономических и культурных отношений между народами.

Кто же выиграл от всего этого? Только ли США? Конечно, нет. Так что нельзя не согласиться с выводом В. В. Согрина (а на этой позиции стоят и некоторые другие исследователи, в том числе американские), что от прекращения холодной войны выиграло все человечество. Не случайно ее окончанию радовались не только в Америке и Западной Европе, но и в странах бывшего Советского Союза и Восточной Европы.

Больше того, окончание открытой конфронтации между двумя лагерями породило у некоторых политиков, да и у «людей с улицы» иллюзии (так часто случается и по завершении обычных войн) о наступлении новой исторической эпохи — эпохи бесконфликтного развития мира, а теперь еще о вытеснении национальных интересов общечеловеческими интересами и чуть ли не о начале эры планетарного братства. Особенно сильны эти иллюзии были в Советском Союзе, а затем и в России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Они подогревались тем обстоятельством, что

¹⁸ Brzezinski Z. The Cold War and its Aftermath // Foreign Affairs. Fall. 1992. Сокращенный перевод статьи опубликован под названием «Холодная война и ее последствия» в газете «Народная правда» в ноябре 1992 г.

¹⁹ В этой статье Збигнев Бжезинский сравнил подписание Горбачевым Парижской хартии с подписанием акта о капитуляции. «Как и при окончании предыдущих войн, имеет место явно различимый момент капитуляции... Этот момент вероятнее всего настал в Париже 19 ноября 1990 г. На совещании, которое было отмечено внешними проявлениями дружбы, предназначенными для маскировки действительной реальности, бывший советский лидер Михаил Горбачев, который руководил Советским Союзом на финальных этапах „холодной войны“, принял условия победителей...»

и рядовые советские граждане, и элита, да и многие наши правители, на протяжении долгих лет публично поносившие Запад, на самом деле с завистью, а то и с тайным восхищением смотрели на него и при случае были не прочь вкушать от западных благ. Окончание холодной войны было воспринято ими как начало новых времен, когда Россия пойдет по пути Запада и наши люди будут скоро жить, как американцы, французы, швейцарцы и т. п.

Но советские граждане, включая высших руководителей, в массе своей плохо представляли себе психологию западного человека, воспитанного в духе прагматизма, индивидуализма, жестких рыночных отношений, конкурентной борьбы и непрестанной битвы за место под солнцем. Многие, уподобляясь Остапу Бендеру из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, искренно верили, что «заграница (в лице США и ведущих европейских стран. — Э. Б.) нам поможет». Поможет бескорыстно, щедро, по-братски (мы же теперь «одна семья!»), без каких-либо условий, ущемляющих интересы России.

Поразительно, но в документах, фиксировавших внешнеполитическую стратегию Российской Федерации начала 1990-х гг., мы практически не найдем упоминания о ее национальных интересах, а если и найдем, то с уточнением, что они полностью совпадают с интересами демократических стран. «У нас соседи — США (через Берингов пролив), Япония, Западная Европа. Никаких непреодолимых разногласий, столкновения интересов у нас с этой категорией стран просто нет, а есть все возможности, чтобы иметь с ними дружеские, а в перспективе и союзнические отношения. „Союзнические“ я понимаю не как военный союз, а как союз на основе общих ценностей, защите этих ценностей». Так говорил в своем иностранном интервью «Независимой газете» 1 апреля 1992 г. тогдашний министр иностранных дел Российской Федерации Андрей Козырев²⁰.

* * *

Что же давало Западу основание утверждать, что холодную войну выиграл именно он? Не стоят ли за этими утверждениями какие-то реальные факты, которые могли бы быть использованы ими в качестве веских аргументов в защиту своей позиции?

Послушаем Бжезинского. «Важнее всего то, что сам Советский Союз развалился, и Центральная Европа сейчас представляет собой геополитический вакуум. Бывшая Советская Армия демобилизуется и уже деморализована. Балтийские государства свободны. Украина укрепляет свою независимую государственность, так же как и среднеазиатские республики.

²⁰ Независимая газета. 1 апреля 1992 г. Среда. № 63 (234).

Единство собственно России может скоро тоже оказаться под вопросом...». И это не всё. «<...> Экономическая и даже политическая судьба того, что не так давно было грозной сверхдержавой, сейчас всё более переходит под фактическую западную опеку. Вместо когда-то перевозимой теории „конвергенции“ двух конкурирующих систем, реальность оказалась односторонней конверсией»²¹.

Бжезинский в принципе прав в оценке того состояния, которое сложилось к началу 1990-х гг. на просторах бывшего Советского Союза. И этот скорбный перечень потерь можно было бы расширить. Только вот следствием каких процессов было возникшее состояние? Бжезинский сравнивает поражение СССР с поражением «наполеоновской Франции в 1815 году, или императорской Германии в 1918 году, или нацистской Германии и императорской Японии в 1945 году». Сравнение логически некорректное, ибо все перечисленные страны потерпели поражение в «горячих» войнах, т. е. в результате внешнего силового (прежде всего, вооруженного) воздействия со стороны противника. В холодной войне не было такого воздействия, и это существенно меняет дело.

Объявленная в 1945 г., эта война была лишь частью — пусть существенной, но только частью — более длительного, более широкого и более глубокого социально-исторического процесса, который начался в 1917 г. Октябрьская революция в России, как бы ни относиться к ней сегодня, была, как и Французская революция, великой в том смысле, что имела глобальное судьбоносное значение для всего мира. Она положила начало формированию нового, альтернативного общества: общества, ориентированного на новый тип государственности, новый политический режим, новую систему правовых норм и отношений, новый свод нравственных, духовных и политических ценностей, новую экономическую систему, новую идеологию. Параллельно миру капитализма складывался антагонистический ему мир социализма, и между этими двумя мирами (после окончания Второй мировой войны, когда по советскому или близкому к нему пути пойдут другие страны, станут говорить о двух мировых системах) начинается открытое соревнование (кто-то называет его конкуренцией, состязанием, борьбой), сопровождавшееся со второй половины 1940-х гг. холодной войной как описанной выше конфронтацией.

Вот это соревнование двух социально-политических, экономических и идеологических систем, длившееся семь десятков лет, и проиграл Советский Союз. Одной из причин этого была холодная война, поскольку она вынуждала нашу страну нести на своих плечах тяжелое бремя гонки вооружений, ограничивала возможность широкого использования передовых западных технологий, западного опыта и т. п. Но холодная война была,

²¹ Бжезинский З. Холодная война и ее последствия // Народная правда. 1992. Ноябрь.

повторим, лишь одной из причин и притом причиной не главной. Не главной причиной гибели СССР была и активная подрывная деятельность, которая велась против него Соединенными Штатами и их союзниками, хотя разрушительный эффект этой деятельности не отрицает никто из серьезных аналитиков.

Главными причинами проигрыша Советским Союзом соревнования двух социально-политических и экономических систем стали причины внутренние. Были ли они имманентны социализму, т. е. не заключались ли в самой его природе — большой вопрос, на который мы если и получим ответ, то лишь в будущем, в случае, если в мире будут предприняты новые попытки построения социалистического общества.

Напомним, что в марксизме к моменту победы Октябрьской революции в России существовали лишь самые общие представления о социализме, да и те имели умозрительный характер, ибо опытом построения социалистического общества не располагала ни одна страна. Советский социализм строился «с колес» и, по сути, представлял собой грандиозный исторический эксперимент²². Причем эксперимент этот осуществлялся в условиях страны, которую В. И. Ленин характеризовал в начале 1920-х гг. как «среднеслабую», тогда как согласно сформировавшимся в рамках марксистской теории представлениям, социалистическая (коммунистическая) революция могла совершиться лишь в наиболее развитых капиталистических странах, где сложилась материальная база нового общества и сформировался зрелый пролетариат.

Можно, конечно, теоретически допустить, что тот социализм, который начал строиться в России (советский социализм) не заключал в себе конкурентоспособного потенциала, позволявшего победить капитализм. Но важно иметь в виду и обстоятельства грандиозного «эксперимента». Во-первых, исторические условия развития советского общества СССР вышел из Второй мировой войны победителем, но гитлеровская агрессия нанесла колоссальный ущерб народному хозяйству, а громадные людские потери создали в стране неблагоприятную демографическую ситуацию. Другое дело Америка. Война не только не затормозила экономическое развитие страны, но способствовала ее выходу из Великой депрессии.

Второе неблагоприятное обстоятельство — многочисленные политические и экономические ошибки и просчеты, допускавшиеся советским руководством в процессе социалистического строительства. «Большой

²² Любопытно, что многие из тех американцев, которые в 1920–1930-х гг. с интересом, а то и с симпатией наблюдали за социалистическим строительством в СССР (к их числу относился до начала «Большого террора» один из крупнейших мыслителей XX в. Джон Дьюи), видели в деятельности «Советов» именно грандиозный социальный эксперимент, что не могло не импонировать американцам, в которых всегда жил дух пионеров-экспериментаторов.

террор» оказал разрушительное воздействие на общество и, вне всякого сомнения, затормозил его развитие. А страх Кремля перед глубокими экономическими и политическими реформами, боязнь встать на путь демократизации существующего в стране политического режима, идеологический зажим (препятствовавший развитию общественных наук) привели к экономическому, политическому и идейному застою в СССР.

Следует принимать во внимание и то обстоятельство, что советское руководство не было вооружено реальной теорией развития современного общества. А пестовавшийся официальными идеологами типа Суслова научный коммунизм предлагал иллюзорную картину мира и только вводил партийное руководство в заблуждение. Поэтому когда М. С. Горбачев почувствовал, что без реформ не обойтись, он оказался в идейно-теоретическом вакууме и действовал, по существу, вслепую, выдвигая утопические проекты вроде всеобщего распространения «нового политического мышления» и «перестройки»²³, которая осуществлялась без продуманного стратегического плана.

Я не отношусь к тем, кто склонен обвинять М. С. Горбачева в политическом предательстве. Если он что-то и предал, то социалистическую (коммунистическую) идею, как предали ее Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе и другие советские руководители, на протяжении многих лет публично лицемерно восславлявшие марксизм-ленинизм (с которыми они были, как правило, плохо знакомы) и каравшие «ревизионистов», а, на самом деле, либо давно утратившие веру в социализм, либо никогда не верившие в него и заявлявшие о своей приверженности социалистическим идеалам из шкурнических соображений²⁴.

Горбачева можно обвинить, скорее, в политическом соглашательстве и капитулянтстве, ставших возможными в том числе и вследствие практиче-

²³ Сначала речь велась об «ускорении», но вскоре выяснилось, что ускорять идущие процессы — значит углублять кризис, так что риторике пришлось сменить. Однако по существу ничего не изменилось.

²⁴ Тут на самом деле встает очень серьезный вопрос о том, когда советская политическая система (одним из важных элементов которой была идеологическая составляющая) начала загнивать и разлагаться изнутри. Думается, советская политическая элита в большинстве своем утратила веру в социализм задолго до крушения СССР. То же можно сказать и об основной массе населения. Много лет назад я наткнулся на опубликованные дневниковые записи выдающегося русского мыслителя Владимира Ивановича Вернадского. Вот некоторые из них. «1939 год. 3 января, Москва. Я очень редко вижу идейных коммунистов. Элемент идеи и веры, живого творчества исчезает. Идейные коммунисты вымирают. Толпа по существу к коммунизму безразлична». «23 января. Господствующий класс опустился ниже среднего уровня». «17 февраля. Верхушка ниже среднего умственного и морального уровня страны». «11 апреля. Одно время я думал, что происходящий гнет и деспотизм может быть не опасен для будущего. Сейчас я вижу, что он может разложить и уничтожить то, что сейчас создается нового и хорошего». (См.: Независимая газета. 9 июня 1992 г. С. 5.)

ского отсутствия в нашей политической системе серьезных институциональных политических противовесов, способных заблокировать неразумные решения, принимаемые руководителем страны.

Перечисленные выше факторы и привели в итоге к внутреннему разложению советской системы, разрушению Советского Союза и утрате им своей социально-политической идентичности, что парадоксальным образом способствовало завершению холодной войны.

* * *

Нынешний недружественный политико-экономический и дипломатический курс, проводимый Вашингтоном и его союзниками в отношении России, имеет корни тройкого рода. Во-первых, он связан со сложившимися в умах многих американских военных и политических стратегов еще в начале 1990-х гг. представлениями о том, как должна вести себя на мировой арене страна, «проигравшая» холодную войну. А взгляд на Советский Союз, как страну, потерпевшую в ней поражение, не только сохранился до наших дней (это подтвердили недавние, проходившие на грани скандала дебаты в Совете Безопасности ООН), но и был автоматически перенесен на постсоветскую Россию.

«Проигравшая» сторона должна, убеждены американцы и их союзники, вести себя тихо и смиренно: слушаться «победителей», не перечить им и не проявлять во внешнеполитической деятельности самостоятельности, результаты которой могли бы придти в противоречие с национальными интересами последних²⁵. По правде сказать, Россия так и поступала на протяжении многих лет (частные отклонения общей картины не разрушали). Но по мере того, как страна «восставала из пепла» (и не в первый раз), чего самоуверенный Запад не ожидал, ситуация начала меняться. Сначала на словах, что нашло яркое отражение в вызвавшей на Западе шок речи Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в феврале 2007 г. А годом позднее грузинский кризис показал, что Россия уже не только на словах готова проводить самостоятельную внешнюю и военную политику, отвечающую ее национальным интересам — даже если это очень не нравится ее гораздо более сильным западным партнерам. Но наиболее зримо и отчетливо эта линия проявилась весной 2014 г., когда РФ откликнулась на просьбу Крыма принять его в состав России и их воссоединение стало реальностью. Это больно ударило и по престижу и самолюбию Америки и ее европейских союзников, и по их стратегическим

²⁵ Представления американцев о том, как должна была бы вести себя постсоветская Россия, рассматриваются, в частности в книге: Баталов Э. Я., Журавлева В. Ю., Хозинская К. В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке». Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007. М., 2009.

планам в регионе. И нынешний жесткий курс Соединенных Штатов и Европы в отношении России можно рассматривать как кумулятивную реакцию на появление на политической карте мира набирающего силу самостоятельного игрока и конкурента, с которым придется считаться и интересы которого придется учитывать (к чему и призывал Путин еще в 2007 г.). Не обошлось, конечно, без желания публично «осадить» ослушника, «поставить его на место» и стремления создать условия, исключающие проведение Москвой подобной политики в дальнейшем.

Но антироссийский курс связан еще и с долгосрочными геостратегическими установками США в отношении России, сложившимися в начале 1990-х гг. Суть этих установок проста: не допустить возрождения сильной («имперской») России, с которой Запад вынужден был бы считаться как с равней, и которая была бы способна успешно конкурировать с ним на мировой арене. Необходимо, настаивал З. Бжезинский в «Великой шахматной доске», «оказать поддержку демократическим преобразованиям в России и ее экономическому восстановлению и в то же время не допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана»²⁶.

Поэтому так важно было не допустить восстановления и укрепления связей России с новыми независимыми государствами, возникшими на территории бывшего Советского Союза — прежде всего с Украиной. Вот что писал об этом (двадцать с лишним лет назад!) Бжезинский: «<...> любые попытки изолировать и в конечном счете снова подчинить Украину посредством сохранения контролируемого Москвой оплота в Крыму <...> должны недвусмысленно рассматриваться как препятствие к эффективной финансовой и экономической помощи»²⁷. (Невольно задаешься вопросом: не у Бжезинского ли «слизал» Обама идею санкций против России?).

Кремль, как представляется, не ставил и не ставит своей целью «возродить советскую империю» (хотя «ястребы» у нас, конечно, есть), отдавая себе отчет как в неосуществимости, так и в контрпродуктивности этой идеи. Эпоха империй миновала: они утратили былую функциональную значимость и эффективность²⁸, и все серьезные стратеги прекрасно это понимают. Но за двадцать лет России удалось продвинуться вперед в восстановлении части жизненно важных для нее связей с некоторыми государствами ближнего зарубежья и запустить интеграционные процессы,

²⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска / Пер. с англ. М., 1998. С. 108.

²⁷ Бжезинский З. Холодная война и ее последствия // Народная правда. 1992. Ноябрь.

²⁸ См. об этом, в частности: Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005.

наиболее зримо воплотившиеся в создании Таможенного Союза и Евразийского Экономического Союза. И хотя эти новые образования значительно слабее того же Евросоюза и других западных региональных объединений, это все равно настораживает США и вызывает открытое и скрытое противодействие интеграционным процессам, во главе которых стоит Россия.

И третий момент. Проводимый Америкой внешнеполитический курс имеет важное для нее евразийское измерение. Прочные лидирующие позиции США в мире, а тем более их контроль над ключевыми регионами, на что претендует Америка, возможны, как считают многие крупные заокеанские аналитики, лишь при условии ее контроля над Евразией. Об этом откровенно писал всё тот же З. Бжезинский:

<...> критически важным является то, как Америка «управляет» Евразией. Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении. Государство, которое господствует в Евразии, контролировало бы два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов... Около 75 % мирового населения живет в Евразии, и большая часть мирового физического богатства также находится там как в ее предприятиях, так и под землей. На долю Евразии приходится около 60 % мирового ВВП и около трех четвертей известных мировых энергетических запасов... Все потенциальные политические и/или экономические вызовы американскому преобладанию находятся в Евразии... Евразия, таким образом, представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство²⁹.

Но для установления господства над Евразией необходимо решить ряд важных задач. Одна из них — контроль над так называемым heartland — сердцевиной земель, охватывающей северо-восточную часть Евразии.

Бжезинский не скрывает, что эту идею он позаимствовал у крупнейшего английского геополитика начала XX в. Хэлфорда Макиндера, как раз и разработавшего концепцию хартлэнда. «Тот, кто правит Восточной Европой, — цитирует американец англичанина, — владеет Сердцем земли; тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом (Евразией); тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром»³⁰.

Макиндер не раз менял свое представление о границах хартлэнда. Но во всех вариантах наиболее значимую ее часть составляет Россия. Отсюда и ее мировое стратегическое значение, будь то Россия императорская, советская или постсоветская. По словам британского геополитика, «Россия занимает в целом мире столь же центральную стратегически позицию, как

²⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 44.

³⁰ Там же. С. 52.

Германия в отношении Европы»³¹. Отсюда стремление не допустить укрепления позиций России в мире, «обрастания» ее союзниками и сторонниками³² и превращения в силу, способную воспрепятствовать установлению контроля Соединенных Штатов над Евразией. Америка не смогла решить эту задачу после Второй мировой войны. Не удалось ей также «демократизировать» на свой лад и привязать к себе на правах бедного родственника (хотя она к этому очень стремилась³³) ослабленную постсоветскую Россию. Сегодня США предпринимают новую попытку решить эту задачу, используя «украинскую карту». При этом они, как и в годы холодной войны, стремятся сплотить вокруг себя европейских и неевропейских союзников, а заодно рассорить Россию и Европу — в частности, Россию и Германию, тесные добрососедские, а тем более союзнические отношения между которыми — страшный сон для американских геополитиков.

* * *

Но вернемся к вопросу о холодной войне. В последнее время (особенно после начала украинского кризиса) Соединенные Штаты проводят на российском направлении столь жесткий курс, что он воспринимается многими уже не просто как очередное «охлаждение» отношений между двумя державами, а чуть ли не как возобновление холодной войны. Больше того, существует радикальная точка зрения, согласно которой холодная война была завершена только на словах, а де-юре и де-факто никогда не кончалась.

Думаю, это не так. Конечно, Вашингтон и его союзники используют при проведении нынешнего курса в отношении России некоторые методы, приемы и тактики, опробованные в годы холодной войны. Не случайно эксперты все чаще говорят сегодня о том, что Америка снова берет на вооружение политику так называемого сдерживания, практиковавшегося ею со второй половины 1940-х гг. Нельзя исключать и того, что Западу удастся, прибегая к так называемым санкциям, нанести ощутимый ущерб российской экономике, а заодно подпортить имидж России в глазах какой-то части мировой общественности. На это тоже делается расчет, поскольку в условиях информационной цивилизации имиджевый ресурс имеет стратегическое значение.

Но это не означает возвращения холодной войны, которая — не грех повторить еще раз — являла собой конфронтацию двух военно-полити-

³¹ Цит. по: Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 2000. С. 47.

³² Особую опасность сторонники концепции хартлэнда видят в союзе России и Германии.

³³ Эти планы подробно анализируются в книге известного американского публициста Стивена Коэна. См.: Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России / Пер. с англ. М., 2001.

ческих блоков, двух сверхдержав, двух глобальных полюсов силы, происходившую в контексте начавшегося задолго до нее соревнования двух антагонистических социально-политических и экономических систем (капиталистической и социалистической) и противоборства двух антагонистических идеологий (либерализма и марксизма). Ныне нет ни двух противостоящих военных блоков, ни двух сверхдержав, ни двух полюсов силы, ни двух мировых социально-политических систем, ни идеологической борьбы — ничего этого больше нет, и в обозримом будущем не предвидится. К тому же, насколько можно судить по поведению Кремля, Россия не собирается «отвечать взаимностью» на недружественную политику Запада и вступать с ним в конфронтацию. А в холодной войне враждебность была взаимной, что характерно для любой войны.

Рассматривая нынешний курс Запада в отношении России как повторение или продолжение холодной войны, мы тем самым закрываем себе путь к пониманию качественной специфики этого курса, а значит и поиску путей противодействия ему. Аналитикам еще предстоит разобраться, в чем заключается эта специфика и как она может эволюционировать в обозримом будущем.

Не вызывает, однако, сомнений, что этот курс нельзя рассматривать в отрыве от политики, проводимой Соединенными Штатами в последние годы в разных регионах мира, включая Северную Африку, Ближний и Дальний Восток, Центральную Азию, и представляющей своеобразный — в духе сложившейся в Америке внешнеполитической культуры — «отклик» на «вызовы» времени.

Мир вступил в новую полосу развития, определяемую рядом глобальных мегатрендов, в недалекой перспективе сулящих Западу во главе с Соединенными Штатами утрату прежних позиций в мире и прежних глобальных функций. Один из таких мегатрендов — неуклонное перемещение центра мирового развития с Запада, от США и Европы на Восток, в направлении Китая, стран Юго-Восточной Азии, Индии, Бразилии, ЮАР, России. Говоря об этом перемещении, аналитики имеют в виду не только «наблюдаемый ныне беспрецедентный перенос относительного богатства и экономического влияния с Запада на Восток»³⁴, но и усиление глобального политического влияния последнего. Эта тенденция дополняется еще одним мегатрендом, а именно постепенной, но неуклонной утратой Соединенными Штатами роли единственного мирового центра силы («полюса») и глобального лидера, каковыми они были на протяжении ряда лет. Америка

³⁴ Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США / Пер. с англ. М., 2009. С. 8. Это один из докладов, опубликованных в последние несколько лет аналитиками американского разведывательного сообщества. И во всех из них проводится в той или иной форме идея изменения вектора мирового развития не в пользу Запада.

пока еще остается единственной супердержавой, но в мире появляются новые влиятельные центры силы, в отдельности не имеющие возможности тягаться с США, но вкупе способные конкурировать с ними в экономическом, политическом и других отношениях. Это пришлось признать и Бжезинскому, который не так давно (по историческим меркам) предрекал Соединенным Штатам долгую монополию на глобальную власть. В книге под примечательным названием «Стратегическое видение. Америка и кризис глобальной власти», опубликованной в 2012 г., он пишет: «Мировое доминирование одной единственной державы больше невозможно, и это не зависит от того, насколько она сильна или слаба. Это особенно касается ситуации, когда на мировую арену вышли новые региональные державы»³⁵.

Конечно, любые тренды, включая названные, это всего лишь наметившиеся к настоящему времени направления развития, а не «предопределения судьбы». Их можно изменить, притормозить, а в каких-то случаях и переломить. Именно это и пытается сделать Америка, страна изначально ориентированная на творческое отношение к собственной судьбе, на эксперимент, а в конечном счете на успех. И за ценой она не постоит, особенно если это цена чужих жизней, чужого богатства, чужих интересов, чужих государств.

Резонно предположить, что до окончания срока президентства Обамы характер отношений между Западом и Россией не претерпит существенных изменений. Но в дальнейшем, со сменой хозяина Белого дома, стабилизацией положения на Украине (а рано или поздно она произойдет, хотя на какой платформе — сказать пока трудно), вероятным сохранением сложного внутреннего положения в ЕС, для которого отношения с восточным соседом имеют жизненно важное значение, градус напряженности в отношениях между Западом и Россией может несколько снизиться, открыв дорогу для последующей «перезагрузки». При этом не исключено, что в политических курсах Европы (по крайней мере, отдельных стран) и Америки на российском направлении могут выявиться более или менее существенные различия. Однако как бы ни повернулись дальнейшие события, было бы пагубным для России предаваться, как это было в начале 1990-х гг., иллюзиям о возможности установления чуть ли не братских отношений между нашей страной и Западом и чуть ли не о полном совпадении наших национальных интересов. Мы живем в жестком конкурентном мире, где между государствами, их объединениями, ТНК, другими глобальными игроками идет борьба за власть, ресурсы, коммуникации, сферы влияния. Так что новые «крестовые походы» против России не исключены, и она должна быть к ним готова.

³⁵ Brzezinski Z. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. N. Y., 2012. P. 131.